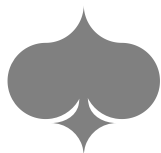

> МАГИСТРАЛЪ >

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Пиковая дама

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
П91

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Пушкин, Александр Сергеевич.
П91 Пиковая дама / Александр Пушкин. —
Москва : Эксмо, 2024. — 224 с. : ил. — (Маги-
страль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-102555-7

Александр Сергеевич Пушкин заслужил титул не только «великого русского поэта», но и выдающегося сказочника, драматурга и прозаика.

Его малую прозу отличает динамичный сюжет, гениальная простота изложения и харизматичные персонажи. В эту книгу вошли его повести «Роставлев» (написанная в ответ на одноименный роман Михаила Загоскина как попытка переосмыслить мотивацию главной героини), «Дубровский» (история о благородном юноше-мстителе), «Пиковая дама» (об азартном инженере Германне, которого страсть и алчность подтолкнули к безумию), «Кирджали» (о лихом разбойнике) и загадочная неоконченная повесть «Египетские ночи» (вдохновленная историями о нравах времен Клеопатры).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-102555-7

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

РОСЛАВЛЕВ

Читая «Рославлева»¹, с изумлением увидела я, что завязка его основана на истинном происшествии, слишком для меня известном. Некогда я была другом несчастной женщины, выбранной г. Загоскиным в героини его повести. Он вновь обратил внимание публики на происшествие забытое, разбудил чувства негодования, усыпленные временем, и возмутил спокойствие могилы. Я буду защитницею тени, — и читатель извинит слабость пера моего, уважив сердечные мои побуждения. Буду принуждена много говорить о самой себе, потому что судьба моя долго была связана с участью бедной моей подруги.

Меня вывезли в свет зимою 1811 года. Не стану описывать первых моих впечатлений. Легко можно себе вообразить, что́ должна была чувствовать шестнадцатилетняя девушка, променяв

¹ Исторический роман М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году».

антресоли и учителей на непрерывные балы. Я предавалась вихрю веселия со всею живостию моих лет, и еще не размышляла... Жаль: тогдашнее время стоило наблюдения.

Между девицами, выехавшими вместе со мною, отличалась княжна** (г. Загоскин назвал ее Полиною, оставлю ей это имя). Мы скоро подружились вот по какому случаю.

Брат мой, двадцатидвухлетний малый, принадлежал сословию тогдашних франтов; он считался в Иностранной Коллегии, и жил в Москве, танцуя и повесничая. Он влюбился в Полину и упросил меня сблизить наши дома. Брат был идолом всего нашего семейства, а из меня делал, что хотел.

Сблизясь с Полиною из угождения к нему, вскоре я искренно к ней привязалась. В ней было много странного и еще более привлекательного. Я еще не понимала ее, а уже любила. Нечувствительно я стала смотреть ее глазами и думать ее мыслями.

Отец Полины был заслуженный человек, т. е. ездил цугом и носил ключ и звезду¹, впрочем был ветрен и прост. Мать ее была напротив женщина степенная и отличалась важностию и здравым смыслом.

Полина являлась везде; она окружена была поклонниками; с нею любезничали, — но она ску-

¹ Ключ — знак придворного чина камергера; звезда — знак ордена первой степени.

чала, и скука придавала ей вид гордости и холодности. Это чрезвычайно шло к ее греческому лицу и к черным бровям. Я торжествовала, когда мои сатирические замечания наводили улыбку на это правильное и скучающее лицо.

Полина чрезвычайно много читала, и без всякого разбора. Ключ от библиотеки отца ее был у ней. Библиотека большею частию состояла из сочинений писателей XVIII века. Французская словесность, от Монтескье до романов Кребийона, была ей знакома. Руссо знала она наизусть. В библиотеке не было ни одной русской книги, кроме сочинений Сумарокова, которых Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мне, что с трудом разбирала русскую печать, и вероятно ничего по-русски не читала, не исключая и стихков, поднесенных ей московскими стихотворцами.

Здесь позволю себе маленькое отступление. Вот уже, слава богу, лет тридцать как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем, и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке. (NB: Автору «Юрия Милославского» грех повторять пошлые обвинения. Мы все прочли его и, кажется, одной из нас обязан он и переводом своего романа на французской язык.) Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша, кажется, не старше Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляет нам несколько

отличных поэтов, но нельзя же ото всех читателей требовать исключительной охоты к стихам. В прозе имеем мы только «Историю Карамзина»; первые два или три романа появились два или три года назад: между тем как во Франции, Англии и Германии книги одна другой замечательнее следуют одна за другой. Мы не видим даже и переводов; а если и видим, то воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для наших литераторов. Мы принуждены всё, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода). В этом признавались мне самые известные наши литераторы. Вечные жалобы наших писателей на пренебрежение, в коем оставляем мы русские книги, похожи на жалобы русских торговков, негодующих на то, что мы шляпки наши покупаем у Сихлера и не довольствуемся произведениями костромских модисток. Обращаюсь к моему предмету.

Воспоминания светской жизни обыкновенно слабы и ничтожны даже в эпоху историческую. Однако ж появление в Москве одной путешественницы оставило во мне глубокое впечатление. Эта путешественница — M^{de} de Stael¹.

¹ Мадам де Сталь (французская писательница А-Л. Ж. де Сталь).

Она приехала летом, когда большая часть Московских жителей разъехалась по деревням. Русское гостеприимство засуеилось; не знали, как угостить славную иностранку. Разумеется, давали ей обеды. Мужчины и дамы съезжались поглазеть на нее, и были по большей части не довольны ею. Они видели в ней пятидесятилетнюю толстую бабу, одетую не по летам. Тон ее не понравился, речи показались слишком длинны, а рукава слишком коротки. Отец Полины, знавший M^{de} de Stael еще в Париже, дал ей обед, на который скликал всех наших Московских умников. Тут увидела я сочинительницу «Корины». Она сидела на первом месте, облокотясь на стол, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку из бумаги. Она казалась не в духе, несколько раз принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ели и пили в свою меру и, казалось, были гораздо более довольны ухую князя, нежели беседую M^{de} de Stael. Дамы чинились. Те и другие только изредко прерывали молчание, убежденные в ничтожестве своих мыслей и оробевшие при Европейской знаменитости. Во все время обеда Полина сидела как на иголках. Внимание гостей разделено было между осетром и M^{de} de Stael. Ждали от нее поминутно *bon mot*¹; наконец вырвалось у ней двусмыслие, и даже довольно сме-

¹ остроты (*франц.*).

лое. Все подхватили его, захохотали, поднялся шопот удивления; князь был вне себя от радости. Я взглянула на Полину. Лицо ее пылало, и слезы показались на ее глазах. Гости встали из-за стола, совершенно примиренные с M^{de} de Stael: она сказала каламбур, который они поскакали развозить по городу.

«Что́ с тобою сделалось, ma chère¹? — спросила я Полину, — неужели шутка, немножко вольная, могла до такой степени тебя смутить?» — «Ах, милая, — отвечала Полина, — я в отчаянии! Как ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщине! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимают, для которых блестящее замечание, сильное движение сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла к увлекательному разговору высшей образованности. А здесь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замечательного слова в течении трех часов! Тупые лица, тупая важность — и только! Как ей было скучно! Как она казалась утомленной! Она увидела, чего им было надобно, что могли понять эти обезьяны просвещения и кинула им каламбур. А они так и бросились! Я сгорела со стыда и готова была заплакать... Но пускай, — с жаром продолжала Полина, — пускай она вывезет об нашей светской черни мнение,

¹ моя дорогая (франц.).

которого они достойны. По крайней мере, она видела наш добрый простой народ, и понимает его. Ты слышала, что сказала она этому старому, несносному шуту, который из угождения к иностранке вздумал было смеяться над русскими бородами: «Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову». Как она мила! Как я люблю ее! Как ненавижу ее гонителя!

Не я одна заметила смущение Полины. Другие пронизательные глаза остановились на ней в ту же самую минуту: черные глаза самой M^{de} de Stael. Не знаю, что подумала она, но только она подошла после обеда к моей подруге, и с нею разговорилась. Через несколько дней M^{de} de Stael написала ей следующую записку:

Ma chère enfant, je suis toute malade. Il serait bien aimable à vous de venir me ranimer. Tâchez de l'obtenir de M^{de} votre mère et veuillez lui présenter les respects de votre amie de S¹.

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мне своих сношений с M^{de} de Stael, несмотря на все мое любопытство. Она

¹ Дорогое дитя мое, я совсем больна. С Вашей стороны было бы очень любезно, если бы вы зашли ко мне оживить меня. Постарайтесь получить на то позволение вашей матери и будьте добры передать ей почтительный привет от любящей вас de C (франц.).

была без памяти от славной женщины, столь же добродушной, как и гениальной.

До чего доводит охота к злословию! Недавно рассказывала я все это в одном очень порядочном обществе. «Может быть, — заметили мне, — M^{de} de Stael была не что иное, как шпион Наполеонов, а княжна** доставляла ей нужные сведения». — «Помилуйте, — сказала я, — M^{de} de Stael, десять лет гонимая Наполеоном, благородная, добрая M^{de} de Stael, насилу убежавшая под покровительство русского императора, M^{de} de Stael, друг Шатобриана и Байрона, M^{de} de Stael будет шпионом у Наполеона!..» — «Очень, очень может статься, — возразила востроносая графиня Б. — Наполеон был такая бестия, а M^{de} de Stael претонкая штука!»

Все говорили о близкой войне и сколько помню, довольно легкомысленно. Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педанством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. К несчастью, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобным. Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодуши-

ем и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации. Словом общество было довольно гадко.

Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французской табак и стал нюхать русской; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все заикались говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине, и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни.

Полина не могла скрывать свое презрение, как прежде не скрывала своего негодования. Такая проворная перемена и трусость выводили ее из терпения. На бульваре, на Пресненских прудах, она нарочно говорила по-французски; за столом в присутствии слуг нарочно оспаривала патриотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновых войск, о его военном гении. Присутствующие бледнели, опасаясь доноса, и спешили укорить ее в приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. Дай бог, говорила она, чтобы все русские

любили свое отечество, как я его люблю. Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у ней такая смелость. «Помилуй, — сказала я однажды, — охота тебе вмешиваться не в наше дело. Пусть мужчины себе дерутся и кричат о политике; женщины на войну не ходят, и им дела нет до Бонапарта». — Глаза ее засверкали. «Стыдись, — сказала она, — разве женщины не имеют отечества? разве нет у них отцов, братьев, мужьев? Разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, что б нас на бале вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек? Нет, я знаю, какое влияние женщина может иметь на мнение общественное, или даже на сердце хоть одного человека. Я не признаю унижения, к которому присуждают нас. Посмотри на M^{de} de Stael: Наполеон боролся с нею, как с неприятельскою силой... И дядюшка смеет еще насмеяться над ее робостию при приближении французской армии! «Будьте покойны, сударыня: Наполеон воюет против России, не противу вас...» Да! если б дядюшка попался в руки французам, то его бы пустили гулять по Пале-Роялю; но M^{de} de Stael в таком случае умерла бы в государственной темнице. А Шарлот Корде? а наша Марфа Посадница? а княгиня Дашкова? чем я ниже их? Уж верно не смелостию души и решительностию». — Я слушала Полину с изумлением. Никогда не подо-

зревала я в ней такого жара, такого честолюбия. Увы! К чему привели ее необыкновенные качества души и мужественная возвышенность ума? Правду сказал мой любимый писатель: *Il n'est de bonheur que dans les voies communes*¹».

Приезд государя усугубил общее волнение. Восторг патриотизма овладел наконец и высшим обществом. Гостиные превратились в палаты прений. Везде толковали о патриотических пожертвованиях. Повторяли бессмертную речь молодого графа Мамонова, пожертвовавшего всем своим именем. Некоторые маменьки после того заметили, что граф уже не такой завидный жених, но мы все были от него в восхищении. Полина бредила им. «Вы чем жертвуете?» — спросила она раз у моего брата. «Я не владею еще моим именем, — отвечал мой повеса. — У меня всего на все 30.000 долгу: приношу их в жертву на алтарь отечества». Полина рассердилась. Для некоторых людей, сказала она и честь и отечество, все безделица. Братья их умирают на поле сражения, а они дурачатся в гостиных. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтоб позволить таким фиглярам притворяться перед нею в любви. Брат мой вспыхнул. Вы слишком взыскательны, княжна, возразил он. Вы требуете, чтобы все видели в вас М^{de}

¹ Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах (*франц.*).